

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Касаточкин Денис Романович,
методист,
Центр психолого-педагогической реабилитации
и коррекции «Крестьянская застава»,
ул. Люблинская д. 27, стр. 2, 109390 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: denis-diderot@yandex.ru

**ОСКАЛ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
БЕЗДУХОВНОСТЬ, НЕ ЗНАЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦВЕТА
(к портрету военного коменданта г. Урги, контрразведчика,
подполковника Л. В. Сипайло)**

Аннотация: Периоды кровавых войн и социальных катаклизмов зачастую порождают зловещие типажи палачей, убийц и садистов, которые нередко «оседают» при каком-либо лидере, герое или правителе. Своей кровавой деятельностью эти люди могут серьезно дискредитировать своего «сюзерена» или идею, которой они «служат». Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и его Азиатская конная дивизия во многом обязаны своей дурной славой подполковнику Л. В. Сипайло (Сипайлову). Совершив внушительный карьерный взлёт в семёновских застенках, Сипайло, попав в немилость атамана Г. М. Семёнова, оказывается на службе у Р. Ф. Унгерна, который не упустил шанс воспользоваться услугами Л. В. Сипайлова.

Ключевые слова: Гражданская война, Л. В. Сипайло, барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, атаман Г. М. Семёнов, Азиатская конная дивизия, Забайкалье, Монголия.

Переломные эпохи и социальные катаклизмы выбрасывают из глубин общества особые типажи. Подобные личности возникают и могут себя проявить только в условиях социально-политического безвременья и духовного падения общества, порождённого братоубийственной войной. По сути, это их время. Одним из наиболее ярких примеров такого безвременья является начальник Азиатской конной дивизии, барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг. «Кровавый барон», как его ещё нередко называли, возглавлял белое движение на территории Забайкалья и Внешней Монголии. Установленный им режим не только боролся с враждебными политическими силами. Он создал атмосферу, породившую целую плеяду лиц, которых сам Унгерн презирал и называл уголовным сбродом [3, с. 537], но был вынужден пользоваться их «услугами».

Данная статья посвящена Л. В. Сипайло (Сипайлову) — злому гению барона Унгерна, олицетворявшего, по мнению его современников, всё самое тёмное и страшное, что было присуще делу барона Унгерна: хитрость, жестокость и озлобление, причём проявлявшихся у Л. В. Сипайло в совершенно уродливых формах: «...хитрость — в мрачное коварство, жестокость — в садизм, а озлобление — в кровожадность» [9, с. 116].

О жизни Леонида Викторовича Сипайло известно немного. До Русско-японской войны он работал на Забайкальской железной дороге. Вернувшись с фронта в чине прапорщика, вновь устроился работать железнодорожным служащим.

В 1914 г. Сипайло был мобилизован и прошёл всю войну. При Временном правительстве внезапно возник в Чите, уже в качестве агента тайной политической полиции — «Охранки». С началом Гражданской войны Сипайло становится «обер-офицером военного контроля» — сотрудником контрразведки атамана Г. М. Семёнова. В это время «за раскрытие организации большевиков коммунистов террористов, поставившим целью своей деятельности покушения на жизнь Походного Атамана Дальневосточных Войск полковника Семенова и восстановление советской власти» [12, л. 308], Сипайло был произведён в чин капитана. Позже он уже значится помощником полковника Будакова¹ — начальника контрразведки в Чите.

Уже тогда многие окружающие считали дослужившегося до звания подполковника Сипайло психически нездоровым (о чём свидетельствует, например, яркий отрывок воспоминаний современника о «потехах» Сипайло во время его службы в Чите [7, с. 41–42]), в том числе благодаря широко практиковавшимся им допросам с использованием запредельной неоправданной жестокости.

Апофеозом кровавой деятельности контрразведчика, снискавшим ему популярность, явилось убийство 31 политзаключённого на ледоколе «Ангара». Произошло это следующим образом: во время похода генерала Л. Н. Сипетрова в Иркутск на подавление эсеровского восстания экспедицию, разумеется, сопровождали контрразведчики под руководством подполковника Сипайло. Иркутская контрразведка, совершив облавы, арестовала около 40 человек. В связи с накалявшейся каждый день обстановкой было принято решение 31-го человека, из числа наиболее опасных в политическом отношении, срочно переправить к контрразведчикам генерала Сипетрова. 5 января заключённых пересадили на ледокол «Ангара». Ночью следующего дня их вывели на палубу, избили и выбросили за борт посреди огромной реки [1, с. 300].

Вскоре Сипайло попал в немилость у Г. М. Семёнова и бежал в Даурию. Это был небольшой посёлок при одноимённой станции, жители которого в основном занимались мелким огородничеством и скотоводством [5, с. 34–40], там же находился военный городок, которых традиционно было много в этих местах

¹ Будаков (инициалы неизвестны) — бывший жандармский офицер, комендант г. Троицкосавск (1919), затем назначен в управление Сводной Маньчжурской атамана Семёнова дивизии, впоследствии генерал-майор.

[4, с. 160–161]. Здесь базировалась Азиатская конная дивизия Унгерна. Сипайло, вероятнее всего, возглавил там контрразведку или работал в комендантском управлении. В это время он ещё считался у Унгерна «новым человеком» [9, с. 236] и не играл какой-либо значимой роли. Придя же с дивизией в Монголию, подполковник вновь широко развернулся на кровавом поприще, используя «опыт» предыдущей работы.

Когда Сипайло ещё «трудился» в Чите, он старался «извлекать из арестованных пользу», привлекая их под страхом расправы к работе на себя в качестве домашней прислуги, издеваясь и нарушая все мыслимые нормы человеческой морали даже в рамках реалий Гражданской войны [7, с. 42]. Ситуация не изменилась и во время его «монгольской службы». Так, после захвата Урги (ныне Улан-Батор) у Сипайло жила захваченная «наложница» — еврейка Шейнеман².

Характерен пример, раскрывающий облик Сипайло как ревнителя законности. В это же время у него в горничных жила 17-летняя девушка Дуся, которая приходилась родственницей (ни много ни мало) самому атаману Семёнову. Однажды Сипайло пригласил некоторых офицеров дивизии к себе в гости. Дуся подавала гостям угощения. Как вспоминает очевидец этого события, «Сипайлов был в ударе. Пел, плясал, беспрерывно всех угощал и казался таким милым и приветливым хозяином, что даже забывалось, кто он и как его фамилия» [3, с. 451]. Итогом праздника стало удушение Сипайло своей прислуги, вызвавшее ужас всех участников застолья — много видевших и прошедших офицеров, часто не отличавшихся высокими моральными нормами [3, с. 451].

Пользуясь служебным положением, Сипайло также сводил и личные счёты. На служившего ещё в Забайкалье у Семёнова Сипайло был подан рапорт. Подписан он был поручиком Песслером³. Оставляя одним из последних Иркутск, он оказался в одном вагоне с Сипайло и его сподручными, где последние «классическими способами» пытали арестованных: «...жгли раскаленными шомполами... и т.д.» [6, с. 372]. Особенно досталось старику-еврею, которого контрразведчик бил по лицу металлической мыльницей и требовал, чтобы после каждого удара тот кричал: «Благодарю, ваше высокоблагородие».

Неизвестно, получила ли жалоба Песслера ход и была ли она одним из факторов немилости Семёнова к Сипайло. Но тем не менее сам «Макарка-душегуб» (прозвище Сипайло) обо всём помнил и нашёл время расквитаться с Песслером. Ему, уже в Монголии, был предъявлен целый ряд разного рода обвинений. В ходе «расследования» за отсутствием доказательств одной вины немедленно вменяли другую, начиная от «неумения разговаривать с начальником дивизии» и заканчивая заговором против атамана Семёнова. В конечном итоге Песслера всё же обвинили в казнокрадстве (пятнадцать тысяч сибирских рублей) и побеге из армии Семёнова.

² Впоследствии задушена Сипайло.

³ Песслер (инициалы неизвестны) — эстонец по происхождению, уроженец г. Дерпт, офицер запаса, бывший директор Московской парфюмерной фабрики, при А. В. Колчаке заведовал в штабе Иркутского военного округа отделом военнопленных (германцев и австрийцев).

И после длительной беседы с Унгерном из кабинета выбежал «цветущий» Сипайло с возгласом: «Песслера немедленно кончить» [6, с. 371].

Сипайло часто обвинял и уничтожал людей, преследуя личный корыстный интерес, стремясь завладеть теми или иными ценностями своих жертв. Хотя, как справедливо замечает Б. Н. Волков, для дивизии он являлся доставщиком [6, с. 374]. Так, к примеру, богатый купец М. Л. Носков, представитель фирмы Бидермана, которого монголы иначе как «шорт» или «орус чёрт» (русский чёрт) не звали, ибо он порой пользовался обманными способами торговли, отказался продать в интендантство Азиатской конной дивизии кожу [6, с. 352]. По другой версии купца Носкова арестовали по настоянию монголов [9, с. 238], которые решили таким образом свести с ним счёты. В застенке комендантского управления Сипайло истязал Носкова самыми изощрёнными способами более недели. Потом в ранах завелись личинки, и купец просто сошёл с ума, но, где спрятаны деньги, он так и не выдал. Вдове Носкова, пытавшейся забрать тело мужа, Сипайло ответил: «Хочешь валяться рядом — бери». Дальнейшие разговоры были излишними.

Когда в мае 1921 г. Азиатская дивизия отправилась в поход, Сипайло с комендантским управлением остался в г. Урге. Внезапно он нагнал дивизию. Как вспоминает есаул Макеев, прибытие Сипайло создало тревогу у многих чинов отряда. Вскоре тревога эта оправдалась. Выяснилось, что Сипайло задушил в Урге полковника П. И. Лихачёва, храброго боевого штаб-офицера, человека порядочного, так как известно, что он презирал Сипайло и не подавал ему руки [9, с. 257]. Однокашник Унгерна Лихачёв руководил в Урге монгольским военным училищем. Любивший хорошенько «принять на грудь», он делал это не втихомолку: так, «по пьяной лавочке» он зарубил несколько ургинских бродячих собак. Сипайло тут же воспользовался инструкциями Унгерна о борьбе с пьянством. Сипайло вообще умел весьма оперативно исполнять приказания своего начальника. Когда после захвата Урги в дивизии участились случаи заболеваний и Унгерн приказал бороться с нарушениями дисциплины, Сипайло привычными ему методами стал наводить порядок в городе [6, с. 349].

Смерть в лице Сипайло будто бы не хотела отпускать дивизию. Он сделал доклад о сокрытии средств войсковым старшиной П. Н. Архиповым. Тут также не обошлось без личных отношений Сипайло, который стремился понравиться сестре Архипова. Сам Архипов был в то время в походе, и, вернувшись, у него, разумеется, произошёл разговор с Макашкой-душегубом, после чего последний оставил сестру в покое, но начал «копать» под самого Архипова. Тот действительно во время последних боёв за Ургу утаил 17–18 фунтов золота. Сипайло выяснил это через вестового латыша, которого после допроса зарубили. Архипова же пытали, а затем он был зверски убит.

Убийство одного из лучших боевых офицеров дивизии вызвало волну негодования. Некоторые казаки, даже несмотря на страх перед Унгерном, отыскивали Архипова и с воинскими почестями предали земле прах храброго и уважаемого солдата.

Сипайло Унгерн приказал ехать в Ургу за спрятанным Архиповым золотом. Генералу Б. П. Резухину был отдан письменный приказ повесить Сипайло по его воз-

вращении с золотом [9, с. 117]. Ещё находясь в Урге, во время одной из бесед, Унгерн, характеризуя свою дивизию как «кровожадных шакалов», обмолвился, что с выходом на территорию Советской России Сипайло ждёт такая казнь, какая ещё ни разу не применялась на практике [3, с. 538]. Представить, что это могла быть за смерть, весьма сложно, так как в Азиатской дивизии, активно заимствовавшей традиции востока и переживавшей ситуацию Гражданской войны, вариантов было много.

Как мемуаристы, так и исследователи задаются вопросом: «Почему Унгерн держал при себе Сипайлова»? При этом известно, что он не раз сам избивал «Макарку-душегуба» и «сажал на крышу» под жуткие холодные степные ветры⁴. Более того, как вспоминает Голубев, «Сипайлов был психически больным человеком, и барон Унгерн дважды назначал врачебные комиссии для установления его ненормальности, неоднократно предлагал ему подать в отставку и отдохнуть... Его тело постоянно судорожно извивалось и вздрагивало. При разговоре у него вырывались какие-то странные, неприятные звуки, на губах появлялась пена, лицо искажалось и передвигалось» [3, с. 563].

Ф. Оссендовский в своих беллетризованных воспоминаниях, отвечая на вопрос, почему Унгерн держал при себе Сипайло, приводит почти легендарный рассказ, будто бы Сипайло подкупил гадалку, ворожившую суеверному Унгерну. Та нагадала: пока жив Сипайло, Унгерну не страшна смерть. Оссендовский, описывая Сипайло, подчёркивал его внешнюю патологию: «Из-под густых бровей холодно глядели неприятные бесцветные глаза. Проезжая мимо, он снял фуражку, чтобы вытереть пот с совершенно лысой головы. Мне сразу бросилось в глаза странное строение его черепа...» [3, с. 563]. Л. А. Юзефович видит Сипайло при Унгерне как традиционный тип палача при тиране, проводя аналогию с Сеяном при Тиберии, Малютой Скуратовым при Иване Грозном, Ежовым при Сталине [13, с. 341].

Во время допроса Унгерна в Троицкосавске ему задали вопрос о деятельности Сипайло в Урге. Унгерн сказал, что ему было известно о сипайловских конфискациях, расстрелах и пьянстве, однако «слухи» о его насилиях над женщинами барон назвал «вздорными» [10, с. 124]. Бесспорно, что Унгерн лукавит, о насилиях Сипайло знала почти вся дивизия, и, принимая во внимание ту широкую систему доносительства, очень хорошо налаженную в Азиатской конной дивизии, практически исключается, что начальник был не в курсе таких систематических деяний своего подчинённого⁵.

Вероятнее всего, как и в большинстве случаев, барону импонировала преданность Сипайлова, что, мол, последнему не на кого надеяться, кроме как на своего «дедушку» барона: «Если прогонит “дедушка”, — одна дорога — пуля в лоб» [6, с. 353].

В этом отношении Сипайло не был исключением, такую же преданность проявлял, например, и другой палач — капитан Безродный — или вестовой Унгерна

⁴ Вид наказания в Азиатской конной дивизии.

⁵ Когда арестованную жену статского советника Голубева отправили в лазарет, есаул Макеев намекнул Унгерну, что возглавлявший госпиталь Сипайлов не оставит женщину в покое.

Е. Бурдуковский. Кровавыми членами комендантской команды Сипайлова стали стремившиеся избежать репрессий добровольцы из Ургинской конторы Центрсоюза: Панков, Жданов и др. В целом, даже первоначально далёкие от злодейств люди в условиях безвременья гражданской междоусобицы и атмосферы, царившей в Азиатской конной дивизии, за непродолжительный срок становились кровожадными солдатами, а порой и откровенными палачами. А. С. Макеев, обличающий в своих воспоминаниях Сипайло, сам также был причастен к кровавым делам. С конца 1918 г. он служил в комендантском управлении посёлка Маньчжурия [11, л. 118]. Во время пребывания Азиатской дивизии в Монголии, будучи адъютантом начальника Азиатской конной дивизии и комендантом одной из двух бригад, он неоднократно исполнял смертные приговоры. На следующий день после убийства корейского доктора и его домочадцев А. С. Макеев, принимавший участие в этом злодеянии, набросился на Сипайло и начал душить [3, с. 450].

«Штаб» Азиатской дивизии несколько раз пытался избавиться от давно ужасавшего их Сипайло. Во время похода дивизии на расположенный на границе с Монголией г. Троицкосавск (ныне — Кяхта) приближённый барона Унгерна, еврей Вольфович должен был, опередив вызванного к начальнику дивизии Сипайло, подкараулить его по пути и убить. Имея информацию, что Сипайло «не чист на руку» и имеет спрятанные награбленные ценности, заговорщики желали продемонстрировать Унгерну, что его «верный» слуга, так яростно боровшийся с грабителями, сам активно и с размахом ворует. Вовремя пронюхавший опасность Сипайло перепрятал ящик со своими ценностями. Неудачей закончилась и попытка офицеров сдать «Макарку-душегуба» красным: Сипайло предстояла задача сопровождать пушки в Ван-хурэ, но на полпути, опять же, учуяв опасность, он, бросив орудия, быстро вернулся обратно.

Когда стало ясно, что Унгерн потерпел неудачу и дни «белой» Урги уже окончательно сочтены, Сипайло со своей командой на автомобилях покинул столицу Внешней Монголии. Накануне отъезда Сипайло заехал к датчанину Олуфсену, за сделками которого давно следил. Попытки выудить, где Олуфсен держит деньги, были безрезультатны, и Сипайло с водителем Фёдоровым в отместку за несоговорчивость жестоко убили датчанина. Затем, при помощи чинов своей команды, Сипайло зарыл ценности и в сопровождении нескольких человек стал пробираться в Маньчжурию, в г. Хайлар. По пути ему встретился отряд войсковых старшин Рожнева и Циркулинского⁶. Подошедший к ним Сипайло был уже не тем «Душителем Забайкалья» и грозным комендантом Урги, это был «жалкий старик, перепуганный насмерть <...> и желавший лишь добраться до семьи» [3, с. 549]. Сипайло был женат, Б. Н. Волков описывает, как в 1921 г. в Хайларе он встретил жену Сипайло — молодую симпатичную женщину и двух сыновей его, мальчиков 7 и 10 лет [6, с. 390].

⁶ Циркулинский (инициалы неизвестны) — подьесаул (1919), командир Добровольческого конного дивизиона (впоследствии Сводно-Партизанского Казацкого Атамана Анненкова полка), войсковой старшина (1920).

Сипайло арестовали. Посчитав, что скоро ему предстоит «пойти в сопки» (так даже в официальных бумагах дивизии говорили о неизбежной смерти), он ползал в ногах у Рожнева, плакал, поносил Унгерна и униженно молил о пощаде. Удивительно, но на следующий день Сипайло действительно был освобождён. Тем не менее он боялся отойти от палатки офицеров, полагая, что в противном случае немедленно получит пулю в спину от своих.

Китайцы, узнав, что Сипайло пробирается в Хайлар, немедленно выслали особый отряд для его поимки. Его настиг разъезд прапорщика Жуча, еврея, который в своё время служил в Азиатской дивизии и в прошлом являлся агентом Унгерна. Сипайло били, и он выдал китайцам место, где были зарыты ценности [8, с. 258]. Затем, несколько позднее, состоялся суд. Сипайло обвинили в покушении на свержение китайской власти в Монголии, в убийстве датского подданного Олуфсена, и вынесли приговор: 10 лет заключения. По другим данным — бессрочная каторга.

Находясь в тюрьме, Сипайло зарекомендовал себя отличным заключённым. Он заведовал библиотекой и церковью. За почтительность и благонравие был назначен старшиной [9, с. 309]. Одновременно при этом активно сотрудничал с администрацией, доносил на заключённых и даже работал провокатором, хотя во избежание самосуда одно время содержался в одиночной камере [8, с. 258]. Освобождён он был в 1932 г. Некоторые мемуаристы связывают это с приходом японцев, другие — с окончанием назначенного срока наказания.

Дальнейшая судьба Сипайло неизвестна. Пошёл ли он на службу к японцам, как некоторые офицеры, особенно контрразведчики, неизвестно. Известно лишь, что на японцев работал Панков, один из подчинённых Сипайло из его комендантской команды [2, с. 406]. Очень может быть, что «Макарка-душегуб» просто дожил до конца своих дней как мирный эмигрант-обыватель где-то в Китае или другой стране, куда смог перебраться благодаря спрятанным драгоценностям.

Сипайло, несмотря на всю свою одиозность и ужасную, нечеловеческую сущность, явление типичное для этого страшного времени. Он явил собой тот всплеск озлобления и жестокости, который был одинаково представлен на любой из сторон Гражданской войны. Не зря современники сравнивали деятельность Сипайло с деятельностью красной «чрезвычайки». При всём этом отчасти прав был полковник М. Г. Торновский, сравнив его с «усердным стрелочником» при начальнике станции — Унгерне [13, с. 237], который, несмотря на свои намерения избавиться от Сипайло, продолжал держать его при себе и не остановил (а возможно, и не хотел останавливать) его произвола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Абеленцев В. Н.* Председатель Восточного казачьего союза генерал Е. Г. Сычёв // Бела Гвардия: альманах. М.: Посев, 2005. № 8: Казачество России в Белом движении. С. 292–301.
- 2 *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 576 с.

-
- 3 Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М.: КМК, 2004. 664 с.
 - 4 Белов А. В. «Росписание губернским и уездным городам...» — источник по структуре сети городов и городских поселений Российской империи рубежа XVIII–XIX веков // Археографический ежегодник. 2009–2010 года. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 160–161.
 - 5 Белов А. В. Город аграрного типа среди поселений центральной России на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник славянских культур. 2012. № 4. 34–40.
 - 6 Волков Б. Н. Об Унгерне // Соколов Б. В. Барон Унгерн Чёрный всадник. М.: АСТ-ПРЕСС. 2007. 448 с, 8 л. ил.
 - 7 Даурец Н. П. Семеновские застенки (Записки очевидца). Харбин: Маяк, 1921. 77 с.
 - 8 Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: КМК, 2011. 742 с.
 - 9 Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны / сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М.: КМК, 2011. 375 с.
 - 10 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 16. Оп. 3. Д. 222.
 - 11 РГВА. Ф. 40138. Оп. 1. Д. 2.
 - 12 РГВА. Ф. 40138. Оп. 1. Д. 6.
 - 13 Юзефович Л. А. Самодержец пустыни. М.: AD MARGINE, 2010. 672 с.

* * *

Kasatochkin, Dennis Romanovich,
*Resource Administrator,
 The Center for Psychological and Pedagogical Rehabilitation
 and Correction «Krestyanskaya zastava»,
 Laboratory of Social Psychology,
 Lublinskaya str., 27/2, 109390 Moscow, Russian Federation
 E-mail: denis-diderot@yandex.ru*

**THE GRIN OF THE RUSSIAN CIVIL WAR: INHUMANITY,
 WHICH DOESN'T KNOW POLITICAL ORIENTATION
 (the portrait of the military commandant
 of Urga Lieutenant Colonel Leonid Sipaylo)**

Abstract: Periods of bloody wars and social cataclysms often generate ominous characters of butchers, murderers and sadists, who often cling to any leader, hero or ruler. Bloody work of these characters can seriously discredit their overlords or discredit the idea, which they «serve». Baron Roman Ungern-Sternberg and his Asiatic Cavalry Division owe much of their disrepute to the Lieutenant Colonel Leonid Sipaylo (Sipaylov). Sipaylo made an impressive career when working in the Ataman Semenov's torture chambers. But when Sipaylo fell into disgrace, he escaped to baron Ungern-Sternberg, who did not fail to use his bloody service.

Keywords: Civil war, Lieutenant Colonel Sipaylo, baron Ungern, ataman Semenov, Asiatic cavalry division, Transbaikalia, Mongolia.

REFERENCES

- 1 Abelentsev V. N. Predsedatel' Vostochnogo kazach'ego soiuza general E. G. Sychev [Chairman of the Eastern Cossack Union General E. G. Sychev]. *Belaia Gvardiia: al'manakh* [White Guard: Almanac]. Moscow, Posev Publ., 2005, no. 8: *Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii* [Russian Cossacks in the White movement], pp. 292–301.
- 2 Balmasov S. S. *Beloemigranty na voennoi sluzhbe v Kitae* [White Guard immigrants in the military service in China]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 576 p.
- 3 *Baron Ungern v dokumentakh i memuarakh* [Baron Ungern in documents and memoirs], sost. i red. S. L. Kuz'min. Moscow, KMK Publ., 2004. 664 p.
- 4 Belov A. V. «Rospisanie gubernskim i uездnym gorodam...» — istochnik po strukture seti gorodov i gorodskikh poselenii Rossiiskoi imperii rubezha XVIII–XIX vekov [«List of provincial cities ...» as a source on the network structure of cities and towns of the Russian Empire in XVIII–XIX centuries]. *Arkheograficheskii ezhegodnik. 2009–2010 goda* [Arheografic yearbook. 2009–2010]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, pp. 160–161.
- 5 Belov A. V. Gorod agrarnogo tipa sredi poselenii tsentral'noi Rossii na rubezhe XVIII–XIX vv. [Town of the rural type among the settlements in central Russia at the turn of XVIII–XIX centuries]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2012, no. 4, pp. 34–40.

-
- 6 Volkov B. N. Ob Ungerne [On Ungern]. In: Sokolov B. V. *Baron Ungern Chernyi vsadnik* [Baron Ungern Black Rider]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2007. 448 p., 8 l. il.
 - 7 Daurets N. P. *Semenovskie zastenki (Zapiski ochevidtsa)* [Semenov dungeons (Notes of an eyewitness)]. Harbin, Maiak Publ., 1921. 77 p.
 - 8 Kuz'min S. L. *Istoriia barona Ungerna: opyt rekonstruktsii* [The history of Baron Ungern: An Experience of Reconstruction]. Moscow, KMK Publ., 2011. 742 p.
 - 9 *Legendarnyi baron: neizvestnye stranitsy grazhdanskoi voiny* [The Legendary Baron: Unknown pages of the Civil War], sost. i red. S. L. Kuz'min. Moscow, KMK Publ., 2011. 375 p.
 - 10 *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 16. Op. 3. D. 222. (In Russian, unpublished.)
 - 11 *RGVA* [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 40138. Op. 1. D. 2. (In Russian, unpublished.)
 - 12 *RGVA* [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 40138. Op. 1. D. 6. (In Russian, unpublished.)
 - 13 Iuzefovich L. A. *Samoderzhets pustyni* [The Sovereign of the Desert]. Moscow, AD MARGINE Publ., 2010. 672 p.